

D. Modestova
RUSSIAN CONSTITUTIONALISM. THE END OF
XX CENTURY

Abstract: Varieties of political process, determined the foundation of civic constitutionalism in Russia, are reflected. The basic structural elements

of law guaranties of political people's activity are described.

Key words: civil society, legitimacy, constitutionality, the national consent.

УДК 130.3

Мухамедьянов Б.Ф.

СТРУКТУРА ИСТОРИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ*

Аннотация: В работе анализируется структура исторического самосознания с позиции принципа целостности. Исследуется социально философский смысл такого самосознания, связанный с выявлением исторических судеб философских учений, с историческим знанием.

Ключевые слова: историческое самосознание, структура, целое социально – философский смысл, историческое знание.

Идеалистическая философия истории обособляет историю с помощью подключения к последней трансцендентного фактора (абсолютного Духа, судьбы, исторического Разума и т.д.). Данный фактор трансцендентен по отношению к истории, рассматриваемой как деятельность людей. Зададимся теперь вопросом – каким будет мышление истории (её самосознание!), если отказаться от духа трансцендентализма в её обосновании? В данном случае, как нам думается, исчезнет представление о направленности исторического процесса.

В этом плане необходимо заметить, что в философии истории направление исторического движения задавалось либо представлением о трансцендентной цели истории, либо представлением о прогрессе, каковой в качестве закона истории тоже трансцендентен, либо тем и другим вместе, либо представлением об определённом пути, который должна совершить всякая культура или цивилизация от зарождения к своей гибели. С устранением трансцендентного фактора, определяющего историю, исчезает представление и о цели истории, и о прогрессе как законе истории, и о предзаданном пути развития культуры.

В модели мышления истории, отвергающей трансцендентализм, будет, соответственно, отсутствовать и представление об исторической необходимости, так как необходимость, действу-

ющая в истории, есть сама трансцендентность. Эта модель отказывается от претензий на установление законов мировой истории, так как исходит из того, что подобные законы в принципе невозможны. Применительно к будущему исключение исторической необходимости означает, что будущее являет собой пустоту, неопределённое поле возможностей; применительно к прошлому и настоящему это означает, что они могли быть иными, чем они есть на самом деле [1, 10].

Думается, что отбрасывание «исторической необходимости» не только обедняет человеческое существование, обрекая человека на пустоту, но и предполагает, что история творится людьми и от них полностью зависит. Но это не совсем так, поскольку в истории постепенно проявляется, кристаллизуется духовная реальность, которая обладает потенциальностью самоопределения [5]. Ещё И. Г. Фихте в данном отношении вполне справедливо замечал, что в концепциях философии истории, которые признавали историческую необходимость, тоже предполагалось, что в истории действуют люди, но ход и исход истории при этом от людей не зависел, а сами они оказывались орудиями трансцендентной необходимости истории.

Из отрицания исторической необходимости вытекает и признание свободы человека в истории. В традиционной философии истории свобода человека должна была соотноситься с исторической необходимостью; свобода здесь оказывалась свободой без выбора. В обозначенной же парадигме истории человек не связан исторической необходимостью и обладает свободой выбора. Но эта парадигма, поскольку она отвергает историческую необходимость, не даёт человеку гарантии достижения тех или иных исторических целей, вторые он может ставить перед собой и преследовать.

В настоящее время разрушение структур разумной жизни в равной степени затрагивает

* © Мухамедьянов Б.Ф.

всех. Субъект-центрированный разум не руководствуется предпосылками, из которых исходит исследователь, и вынужден, в конечном счёте, исходить в своей повседневной коммуникативной практике из трансцендентального принуждения. «Поэтому, – как замечает Ю. Хабермас, – формы социокультурной жизни структурно ограничены опровергающим коммуникативным разумом, в расчёт принимаются все его претензии» [6, 336].

Оперирующий в рамках исторического действия разум ограничен не только внешними, вытекающими из конкретных ситуаций условиями. Условия собственного осуществления вынуждают его раздваиваться, существовать в измерении исторического времени, социального пространства и телесно-ориентированного опыта. Содержащийся в принципе *исторического самосознания* разумный потенциал оказывается сплетённым воедино с жизненными ресурсами «жизненного мира». Поскольку жизненный опыт берёт на себя функцию накопителя духовных ресурсов, этот «мир» приобретает признаки интуитивного, по-настоящему точного, холистического знания, которое невозможно усложнить по собственному усмотрению. В данном отношении оно не является «знанием» в собственном смысле слова.

В качестве потенциала, из которого участники интеракций заимствуют свои высказывания, помогающие выработать консенсус, жизненный мир образует эквивалент всему тому, что философия субъекта считает достижениями синтеза и заслугой сознания. Производительные достижения соотносятся, разумеется, не с формой, а с содержанием возможных процессов взаимопонимания. Ведь унифицирующее трансцендентальное сознание заменяют конкретные жизненные формы. В приобщении к культурным ценностям усваивается естественный тип поведения, интуитивно понятные солидарно-групповые действия и принятые в расчёт как ноу-хау компетенции обобществлённых индивидов.

Разум, выраженный в коммуникативном действии, способствует взаимопониманию, но только вместе со слившимися в особую тотальность традициями, общественной практикой и всем комплексом телесного опыта. Выступающие только как множественные партикулярные жизненные формы, они связаны друг с другом не только семейным сходством; у них общие структуры жизненных миров. Эти общие структуры накладывают отпечаток на единичные жизненные формы, которые воспроизводятся только через ту среду, в которой происходят коммуникативные действия. Этим объясняется рост влияния этих общих структур в ходе исторического процесса дифференциации. Здесь и ключ к пониманию причин рационализации жизненного мира и постепенно-

му высвобождению заложенного в коммуникативном действии разумного потенциала. Благодаря этой исторической тенденции вполне можно понять сущность нормативного содержания модерна, находящегося под угрозой саморазрушения; дополнительные конструкции в области философии истории больше не нужны [6, 336].

Но это не так. *Структура исторического самосознания связана с выявлением исторических судеб философских учений*, а, следовательно, и с дополнительными конструкциями в сфере исторической науки и философии истории.

Убеждение любого философа в том, что ему, наконец, удалось преодолеть плюрализм учений, опровергнув теории своих предшественников, составляет субъективную сторону историко-философского процесса [4]. Отрицание правомерности идеи плюрализма существующих философских учений связано с отсутствием диалектического понимания исторической, социокультурной преемственности в развитии научного (особенно философского) познания.

А. Шопенгауэр саркастически отмечал, что «каждый вновь появляющийся философ поступает так же, как каждый новый султан, первым делом обрекающий своих братьев на казнь» [7, 585]⁶. Это замечание, однако, не способствовало более правильному пониманию историко-философского процесса самим Шопенгауэром, который также обрекал на закание своих предшественников. Так, он писал: «люди, подобные Фихте, Шеллингу и Гегелю, должны быть изгнаны из царства философов, как негодяи, торгошники и менялы были изгнаны из храма Иерусалимского...» [7, 353]⁷ В данном случае субъективность философа, о которой говорилось выше, коренилась не столько в объективной логике философского развития, сколько в личности, в психологии самого мыслителя.

И. Канту принадлежит попытка систематического обоснования несостоятельности философского плюрализма, который рассматривается философом как свидетельство того, что все когда-либо существовавшие философские учения были лишь неудачными попытками создания философии. Подлинной философии, философии, вполне соответствующей своему понятию, никогда, с этой точки зрения, еще не было. Признавая определённые заслуги за своими предшественниками, Кант полагал, что их учения правильнее называть не философией, а лишь философствованием, из чего следует, что и плюрализма в философии, в сущности, не могло быть.

Понятно поэтому и требование Канта: «Надо решить вопрос: может ли существовать больше, чем одна философия?» [3, 113]. Ответ, разумеется, однозначный, отрицательный: «...критическая философия провозглашает себя такой философией,

до которой ещё вообще не существовало никакой философии...» [3, 114]. При этом, однако, Кант подчёркивает, что такова, в принципе, должна быть позиция каждого философа, поскольку он создаёт свою философскую систему, причём создаёт в соответствии с принципом историзма. Но в таком случае кантовское отрицание плюрализма философских учений становится если не двусмысленным, то во всяком случае непоследовательным.

Гегель принципиально по-новому подходит к исследованию историко-философского и историко-культурного процесса, вскрывая в нём противоречивое, поступательное развитие, в рамках которого противоположные (в том числе и взаимоисключающие учения) находятся в отношении социокультурной преемственности. Гегель покончил с упрощённым представлением об истории философского процесса как последовательном ряде случайных событий, совокупности мнений, заблуждений, произвольной игре мысли. Он решительно осудил характерное для философов третирование своих предшественников, противопоставив философствующему высокомерию и субъективизму оценок обоснованное убеждение в том, что выдающиеся философы – благородные умы, герои мыслящего разума, проникающие в сущность вещей и добывающие величайшие сокровища – разумное знание.

Историко-философское учение Гегеля – единственная в Новое время попытка позитивной оценки плюрализма философских идей, концепций, учений. Этот радикально новый подход к истории философии предполагает разграничение внешней и внутренней, субъективной и объективной сторон философского плюрализма, его видимости и сущности. Философия, как и сама действительность, которую она постигает, многообразна, но многообразие предполагает единство, ибо конкретное есть единство различных определений. Следовательно, и философские учения должны быть поняты как различные определения единого, как образующие различные стороны целостной реальности, несмотря на то, что они противостоят друг другу. Многообразие философских учений есть, согласно Гегелю, «органическая система, целостность, содержащая в себе множество ступеней и моментов» [2, 32].

Данные моменты «абсолютной идеи» – суть различные философские системы. Различия между ними необходимы, но они призваны быть поняты диалектически, т.е. как включающие в себе тождество, которое так же существенно, как и непосредственно обнаруживающиеся различия.

Отсюда можно заключить, что философская система существовала и продолжает существовать. Ни одна из них не исчезает, а сохраняется в философском знании как момент единого цело-

го. Следовательно, философскую систему можно рассматривать в качестве «кирпичика» (или, точнее сказать, субстанции) исторического самосознания. Такая система постоянно воспроизводит последнее; она есть своеобразный «код» истории, «код» культуры.

Важный основной вопрос, занимающий нас и здесь возникающий есть вопрос о понятийных средствах, с помощью которых могут быть извлечены из самой истории масштабы и единые ценности, или вопрос о том, каким образом понятая конкретно историческая жизнь может быть измерена по масштабам своего смысла и ценности – и мгновенная ситуация может быть сопоставлена с этими идеалами? Ответ сначала как будто бы пугает. Необходимый по своей сущности релятивизм генетически-исторического мышления как будто безнадёжно и коренным образом противоположен мысли общезначимой, абсолютной цели истории и, по всей видимости, свидетельствует о полной невозможности разрешить кризис в направлении к подобным целям.

Но историческое мышление обладает безграничным скепсисом, так что поверхностные историки часто прибегали к такому искусству достигать обыденными способами богатства и глубины духа. А эта глубина как раз и составляет глубинную структуру *исторического самосознания*. Люди, обладающие более сильной волей, часто обращаются вследствие драматически-волевого характера истории к основанным лишь на чувстве социокультурным масштабам, таким, как величие и мощь национального государства, или к ценностям совершенно личной внутренней культуры духа.

Об этом говорил уже И. Кант. Разумеется, при этом возникает вопрос, как обрести такие понятия идеала, каким образом они относятся к эмпирической исторической жизни и, особенно, как согласовать их общезначимость с индивидуальностью каждого исторического момента, установленного описанной здесь исторической логикой. Наши выводы следующие.

1. Структуру исторического самосознания, как некоего целого, образует прежде всего сама конкретность. Так, старая теория, а точнее, её «рациональное зерно», выверенное временем, может оказаться включённым в более конкретное понимание, правда, на правах его абстрактного момента.

2. Историческое знание эволюционирует настолько быстро, в такие исторические сроки, за которые предмет сам по себе измениться существенным образом не успевает. И Коперник, и Галилей исследовали один и тот же объект на той же самой исторической ступени его эволюции. Теория (особенно историческая!) совершает стре-

мительное развитие на фоне неизменного. При этом применение логического способа критики предшественников оказывается не только справедливым, но и единственно возможным; это – тот самый случай, который был предметно учтён в гегелевской системе.

3. Сам по себе объект науки развивается достаточно быстро, так что последовательные фазы его зрелости сменяют одна другую (иногда даже на глазах одного поколения). Здесь разные стадии развития исторического сознания отражают разные фазы исторической зрелости его предмета, фиксируют значительные исторические сдвиги в его «структуре».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алферов А. А. Что значило бы преодоление трансцендентализма в философии истории? // Философия и будущее цивилизации. В 5 т.: Т. 3. М.: Современные тетради, 1995.
2. Гегель Г. В. Ф. Соч. Т. IX. М., 1932.
3. Кант И. Пролегомены. Т. 4. Ч. 2. М., 1966.

4. Ойзерман Т. И. Исторические судьбы плюрализма философских учений // Вопросы философии, 1991, № 3.
5. Фихте И.Г. Факты сознания // Он же. Соч. в 2-х т.: Т. 2. СПб.: Мифрил, 1993.
6. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций // Он же. Пер. с нем. 2-е изд., испр. М.: Издательство «Весь Мир», 2008.
7. Шопенгауэр А. Полн. собр. соч. М., 1910. Т. 4. С. 585.

B. Mukhamedyanov

THE STRUCTURE OF HISTORICAL SELF CONSCIOUSNESS AND ITS SOCIAL AND PHILOSOPHICAL SENSE

Abstract: The structure of historical self consciousness from the point of view of integrity principle is analyzed in this paper. Social and philosophical sense of such self consciousness connected with the revelation of the historical destiny of philosophical study and with historical knowledge is observed.

Key words: historical self consciousness, structure, integral, social and philosophical sense, historical knowledge.

УДК 281.9:13

Ореховская Н.А.

**РОЛЬ ПРАВОСЛАВИЯ В ФОРМИРОВАНИИ
МАССОВОГО СОЗНАНИЯ РУССКОГО НАРОДА***

Аннотация: В публикации рассматривается эволюция менталитета массового сознания россиян при непосредственном воздействии православия. Проведен сравнительный анализ влияния других направлений христианства – католицизма и протестантизма на процесс исторического развития народов Европы. Отображена специфика влияния православной веры на формирование качеств характера россиян, их образа жизни и культуры.

Ключевые слова: массовое сознание, менталитет, православие, религия, культура.

Массовое сознание россиян в процессе эволюции испытывало влияние не только особенностей этнического фактора, природной среды, особенностей социума, но и национального духа. Дух нации в значительной мере зиждется на религиозной вере, на конфессиональных особенностях исповедуемой народом религии, на основе которой происходит процесс самоопределения народа.

Историю становления массового сознания русского народа можно описать с учетом влияния различных факторов: биологических, географических, этнографических, экономических, социально-политических. Все они характеризуют различные стороны истории народа.

Религиозный фактор есть духовный фермент этногенеза, который катализирует биологическую энергию в творческий процесс. Становление европейских наций, включая русскую, происходило в результате непосредственного воздействия христианства. Восточные народы сложились под влиянием ислама, буддизма, индуизма, конфуцианства. Именно благодаря усвоению религии народы и нации, образующиеся в результате смешения разнородных племенных групп, довольно быстро (в течение жизни нескольких поколений) проходят инкубационный период и превращаются в исключительно устойчивые национальные общности. Так случилось и с русским народом. «В конце X века, - говорит митрополит Иоанн, - вошли в купель святого крещения племена полян, древлян, кривичей, вятичей, радимичей и иных славян. Вышел из купели - русский народ, в течение шести

* © Ореховская Н.А.